

СОДЕРЖАНИЕ

Уроки российской поэзии (предисловие)	4
Поэт и толпа (Александр Сергеевич Пушкин)	6
Своеобразие таланта (Евгений Абрамович Боратынский)	50
Маёшка (Михаил Юрьевич Лермонтов)	72
Призвание, или глас вопиющего в пустыне (Фёдор Иванович Тютчев)	116
«Я лиру посвятил...» (Николай Алексеевич Некрасов)	154
Идея-фикс (Афанасий Афанасьевич Фет)	182

Уроки российской поэзии (предисловие)

Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Блок, Есенин... Сами поэты являются созданием тех же мировых сил, на которых зиждется поэзия, и поэтому представляют собою нечто совершенное. Вот почему судьба каждого из них обладает могучим нравственным содержанием и преподаёт обществу свой неповторимый урок...

Многое теперь разорено, погублено, утрачено. Перетёрты в красной давилльне сталинского террора племена и сословия жертвенного Отечества нашего. Лишилась Русская земля и многих замечательных поэтов. Кто бандитски убит, кто злодейски казнён, кто доведён до самоуничтожения... Сделано всё, чтобы обезобразить, истребить и написанное ими.

Но власть народа над его кровным, родовым неотъемлемым. И оклеветанные, поруганные, ошельмованные имена поэтов возвращаются к породившему и воспитавшему их народу, возвращаются в чистоте и святости. Доходит до великого адресата и сама поэзия, заключающая в себе силы и духовные начала его грядущего развития.

В мемуарах К. Чуковского приводится случай, когда Александр Александрович Блок довольно долго разглядывал карандашный набросок, сделанный с Лермонтова его сослуживцем Д. Паленом. На рисунке поэт был изображён «очень русским», простым офицером в измятой походной фуражке». — «Не правда ли, Лермонтов только такой? — спросил Александр Александрович, передавая рисунок собеседнику. — Только на этом портрете? На остальных — не он».

Автор биографических очерков, собранных в этой книге, стремился к изображению своих персонажей не в парадной обстановке припудренного и напозаженного официоза, а в самой непринуждённой, будничной. И способствовала этому не столько мудрая подсказка Блока, сколько прирождённая нена-

висть ко всякому пресмыкательству и преклонению перед мёртвыми и живыми кумирами.

Обходить острые углы автор посчитал неплодотворным, а также посчитал нечестным умалчивать о не совсем благовидных поступках столпов отечественной литературы. Но при этом ничуть не сомневался, что через мелочное и суетное, чем наполнена всякая человеческая жизнь, неизбежно по праву истины проступит и выявится то великое, что поставило эти судьбы так высоко над временем и людьми.

Обыкновенно в биографии того или иного поэта, если и цитируются стихи, то делается это скупно, короткими фрагментами; а то стихотворная часть и вовсе выносится за рамки повествования. И это — серьёзное упущение. Приведённое к месту стихотворение не только помогает понять натуру и душевное состояние поэта, но и дополняет рассказ неповторимым звучанием его голоса, сокровенным биением сердца.

И тогда жизнь поэта оказывается наиболее ярким и полным комментарием к его творчеству, а творчество — наилучшей иллюстрацией к жизни. Принцип слитного показа судьбы и творчества и был положен в основу создания этой книги. А вот насколько задуманное состоялось, судить читателю. За ним право решать, какое изображение правдиво, а какое нет. И отнюдь не обязательно его предпочтение будет отдано «портретной галерее», сияющей со стен литературных кабинетов и университетских аудиторий.

А всё-таки, почему беглый рисунок лермонтовского однополчанина показался Блоку правдивее тщательно прописанных и отлакированных портретов? Вероятно, в силу своей непритязательности и простоты. Б. Пален не пытался изобразить своего товарища великим поэтом, исполненным высоких мыслей и прозрений, а нарисовал только то, что видел и как видел. В отсутствии всякой тенденциозности и заключён успех его работы.

ПОЭТ И ТОЛПА

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Поэт, его жизнь и творчество всегда едины, ибо и вызревают одновременно, и питаются друг от друга. Вот почему и судьба Александру Сергеевичу выпала великая. Вот почему, наблюдая за её перипетиями, можно понять, почувствовать, из чего складывалась и как выкристаллизовывалась его изумившая мир поэзия.

По материнской линии Пушкин происходил от арапа Ибрагим Петровича Ганнибала, приобретённого и любовно воспитанного Петром I. Существует поверье, что цена за эфиопского мальчонку, взятая английским шкипером с российского императора, была не высока — бутылка рома.

Род Пушкиных, отцовская ветвь, заявил о себе во времена ещё более отдаленные — при Годунове. Колоритные, незаурядные фигуры предков как бы уже заключали в себе ту безусловную поэзию, которой суждено было воплотиться в личности Александра Сергеевича, чей африканский темперамент, вольнодумство и глубокий петровского образца ум, кажется, достались ему от них напрямую. Недаром образы прародителей поэта столь свободно и легко легли на страницы его произведений: «Арап Петра Великого» и «Борис Годунов». Оттуда, от родовых корней, интерес Пушкина к истории Отечества. Да и завязка жизненной драмы, драмы любовных страстей и свободомыслия, очевидно, генетически предшествовала его появлению на свет.

Родился будущий поэт в семье чиновника Московского комиссариата Сергея Львовича Пушкина и его жены Надежды Осиповны, урождённой Ганнибал. И произошло это в Москве

26 мая 1799 года, на переломе веков. Вот почему Великая Французская революция, пришедшаяся на конец XVIII столетия, стала его колыбелью. Вот почему победа России в Отечественной войне 1812 года воодушевила его юность, а поражение декабристов в восстании 1825-го, остудив юношеские мечты, сообщило зрелость его таланту. И таково было соотношение поколений, что именно Байрон, предшествовавший в мировой поэзии Александру Сергеевичу и уже стяжавший славу, стал его кумиром, а наставником — крупный поэт-романтик, соотечественник Жуковский. Подхваченный волной времени, столь благоприятного для его поэтического развития, Пушкин и был вынесен на бессмертный пьедестал своего нерукотворного памятника. Впрочем, становлению пушкинского гения способствовали и более мелкие жизненные обстоятельства. Чтобы оценить их влияние, постараемся проследить ход его жизни.

До 11 лет будущий поэт проживал в Москве, каждое лето навещаясь вместе с семьёй в Захарово. Был он поначалу толст и несловоохотлив. Младенческая молчаливость гениев явление типическое. В то время как их сверстники балаболят без умолку, они не спешат повторять избитые мысли взрослых, а только приглядываются и прислушиваются. Слово у них не опережает чувство и понятие, но вместе с таковыми вызревает где-то в глубине. Процесс этих размышлений требует известной сосредоточенности, а значит, и малоподвижности. Не поэтому ли Пушкин лет до 6 не любил прогулок? Мать выводила его насильно. Как-то, гуляя, маленький Саша отстал от неё и уселся посреди улицы. Однако, заметив в окне даму, смеющуюся над ним, нехотя поднялся и проворчал: «Ну, нечего скалить зубы...» А вот годам к 7 мальчик переменился: стал резв, шаловлив и разговорчив.

В семье Пушкиных, как и во всём дворянском сословии, царил французский язык. Сашины гувернеры, сменявшие друг друга, были только французами: и первый его воспитатель — эмигрант граф Монфор, и Русло, недурно писавший стихи, и Шедель...

И обучение детей, и общение с ними велось только на французском. Да и гостями, посещавшими дом Пушкиных, зачастую были эмигранты, сбжавшие от наполеоновской Директории. Франция, Франция и Франция... Русская монархия, ещё преж-

де, в XVIII веке, неосторожно соблазнившаяся просвещенной галантностью этой страны, вместе с французским языком и французскими модами впустила в Россию, хотя и на правах контрабанды, семена грядущей революции.

Свободолюбивыми идеями были начинены и французские книги, составлявшие библиотеку Сергея Львовича Пушкина. На семейных чтениях, проводившихся с похвальным постоянством, с отцовского голоса и познакомился Саша с шедеврами французской классики. Особенно мастерски Сергей Львович исполнял комедии Мольера. Пробудившийся интерес к книге мальчик имел возможность утолять и самостоятельно. Для этого было достаточно забраться в отцовский кабинет и взять с полки первый попавшийся том. Иногда, проникнув туда тайком, Саша проводил за чтением бессонные ночи, проглатывая книгу за книгой. При изумительной памяти к 11 годам Пушкин знал чуть ли не наизусть чуть ли не всю французскую литературу, предопределившую во многом вольномыслие и эротику его будущих сочинений. Увы, духовной пищей точно так же можно отравиться, как и пищей физической, а ведь чтением мальчика никто всерьёз не руководил.

В библиотеке отца, разумеется, имелись книги ещё и немецких, английских, испанских, итальянских, даже древнегреческих авторов, но все во французских переводах. Мудрено ли, что французским языком Александр Пушкин овладел в совершенстве. Более того, именно погружённость в стихию этого чрезвычайно гибкого и разработанного языка впоследствии позволила ему успешно реформировать свой родной русский, обогатив его непринужденной легкостью и тонкостью смысловых оттенков французской речи.

А вот к прочим европейским языкам Пушкин остался равнодушен. Мадам Бели, гувернантка его сестры, пыталась научить мальчика английскому, но тщетно. Удивительно ли, что первыми стихами поэта, сочинёнными ещё в детстве, стали стихи на французском? И первая поэма была написана десятилетним автором по-французски. Принадлежала она к героико-комическому жанру и состояла из десяти песен. Когда Саша показал её своему гувернёру, тот осмелел его труд. Обиженный мальчик расплакался и бросил поэму в печку.

Сочинять на русском языке Пушкину тогда и в голову не приходило. И это притом, что дом его родителей посещали довольно-таки известные отечественные поэты: Константин Батюшков, Иван Дмитриев... А более всех, конечно же, Сашин родной дядя — Василий Львович Пушкин, ещё в 20 лет написавший «Опасного соседа», поэму, хотя несколько разгульную и циничную, но не лишенную таланта и составившую ему имя.

Однако наиболее существенную подпитку русской речью мальчик получал не от заужих авторов, но от своей бабушки Марии Алексеевны Ганнибал, после замужества дочери проживавшей с Пушкиными, и, конечно же, от своей няни Арины Родионовны, которую очень любил и даже называл «мамой». Простая дворовая женщина, она не только возмещала Саше недостаток материнской ласки, поскольку Надежда Осиповна относилась к нему довольно холодно, предпочитая дочь Ольгу и младшего сына Леву, но и восполняла отсутствие национальных черт в его насквозь французском воспитании. Русские народные сказки, пословицы, поговорки, неистощимо рассыпаемые няней перед её маленьким любимцем, застревают в памяти, будили воображение.

Имея очевидные литературные способности, Саша не был восприимчив к математике. Четыре арифметических действия, особенно деление, заставляли его заливаться слезами. Происходило это не от пласивости, а скорее от болезненного самолюбия — мальчиком он был довольно-таки бойким. Как-то поэт Дмитриев решил пошутить над Сашей: «Посмотрите, ведь это настоящий арабчик». Пушкин, в чертах которого уже в детстве проглядывала африканская природа, быстро нашёлся: «По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчик». Дело в том, что Дмитриев переболел оспой и имел рябое лицо. Ответ, достойный того, кто впоследствии стал одним из величайших эпиграммистов.

При достижении Сашей 11 лет предполагалось отвезти его на учёбу в столицу, в Иезуитский коллегийум. Однако в 1811 году под Петербургом появилось нечто лучшее — был открыт Царскосельский Лицей. Инициатива в его создании принадлежала главе правительства — Сперанскому. Мыслилось, что Лицей будет давать образование шире и глубже университетского и готовить деятелей для России, преобразуемой реформами своего премье-

ра. Среди закрытых учебных заведений только тут запрещались телесные наказания.

В виду ограниченности набора попасть сюда могли только отпрыски высшей российской знати. Ходили слухи, что император был намерен воспитывать в Лицее и своих братьев, великих князей Николая и Михаила, но его супруга Мария Федоровна воспротивилась такому неприличию. А было бы куда как интересно, если бы в одном учебном заведении обучались будущий царь Николай I и будущие противники его тирании. Тем более что в числе 30 первых лицеистов оказался и Александр Пушкин. Содействовал зачислению мальчика А.И. Тургенев, к тому же сам Сергей Львович был дружен с директором этого привилегированного питомника наук В.Ф. Малиновским.

На открытии Лицея, состоявшемся 19 октября, присутствовали император и его двор. От имени преподавателей выступил профессор политических наук Куницын, умудрившийся в продолжение своей получасовой речи ни разу не упомянуть государя. Это было в новинку. Александр I до того удивился и обрадовался, что тут же прислал молодому профессору Владимирский крест. Позднее, уже в 1825 году, месяца за два до декабрьского восстания, среди участников которого окажутся некоторые из тогдашних лицеистов, ещё один лицеист — Пушкин, сосланный в Михайловскую глухомань, напишет:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

Будь император прозорливее и догадайся, к чему приведёт либерализм педагогов, он, вероятно, забрал бы обратно скоропалительно вручённый орден и велел бы ввести запрещённые розги. Ну, а знай, сколько пламенных революционеров будет возвращено в стенах Лицея, то закрыл бы его, не открывая.

Но до восстания было ещё не близко. И лицеисты дальше обычных ребяческих шалостей в своём вольнолюбии не шли. Случалось, конечно, что они тайком от надзирателей готовили отнюдь не безалкогольный напиток «гогель-могель» и устраивали по ночам пирушки. Была у них возможность побаловаться контрабандным шоколадом, а то и ликёром.

Не отставал от других и Пушкин. «Сущая обезьяна лицом и сущий бес в проказах», как он сам о себе говорил, Александр отнюдь не важничал своей начитанностью, хотя за феноменальное владение языком Корнеля и Расина товарищи прозвали его «французом». Репутация знатока не мешала мальчугану бегать по рекреационной зале в своё удовольствие и прыгать через стулья. Самой большой за время учебы в Лицее крамолрой, в которой Пушкина уличили, был случай, когда в одном из тёмных дворцовых коридоров он по ошибке поцеловал фрейлину императрицы княжну Волконскую, приняв её за горничную Наташу. Дело дошло до царя, но скорее насмешило того, чем разгневало.

Учился Пушкин легко, однако без старания. Имел отвращение к математике и немецкому, зато преуспевал в поэзии. В Лицее он уже начинает писать русские стихи и к 15 годам столь мастерски овладевает секретами версификации, что его произведения появляются на страницах журналов: «Вестник Европы», «Русский музей», «Амфион»... Более того, эти публикации привлекают внимание специалистов очевидными задатками набирающего силу гения. В Царское Село, чтобы познакомиться с юным поэтом, приезжают сначала Батюшков, потом Жуковский. Своеобразное паломничество служителей Муз в места обретённой святыни. В своём письме к Вяземскому, делаясь впечатлениями от поездки, Жуковский сообщает, что посетил в Царском Селе «молодого чудотворца Пушкина... Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастёт».

В январе 1815 года в жизни Пушкина произошло знаменательное событие. На публичном экзамене в присутствии самого Гаврилы Романовича Державина он прочитал своё стихотворение «Воспоминание в Царском Селе». Уже изрядно одряхлевший Гаврила Романович, которому жить оставалось около года, задрёмывал, слушая не слишком блестящие выступления лицестов. Но когда зазвучали строки пушкинского стихотворения, Державин заметно оживился и, дослушав до конца, уже в восторге, со слезами на глазах бросился к юному поэту, расцеловал и прижал к своей старческой груди его кудрявую голову.

Когда после торжественного акта воодушевлённые его успехом товарищи захотели поздравить своего поэта, Пушкин, зас-

теснявшись, убежал. Впоследствии, уже в пору зрелости, Александр Сергеевич вполне осознает величие этого момента:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Вот она — передача поэтической эстафеты от XVIII века XIX. Далее, от Тютчева и Фета она будет принята Брюсовым и Анненским и перейдет уже к веку XX.

Весной 1816-го в Царское Село переехал Карамзин. И, разумеется, не преминул посетить Лицей и познакомиться с Пушкиным. «Пари, как орёл, — сказал он юному поэту, — но не останавливайся в полёте». Пользуясь расположением Карамзина, Пушкин нередко заходил к нему, показывал новые сочинения. А тот читал ему готовые главы своего тогда ещё рукописного труда по истории Государства Российского, да и просто беседовал с подающим надежды юношей.

Царскосельские смотрины, когда члены литературного общества «Арзамас» один за другим посещали Лицей и знакомились с юным Пушкиным, как бы облюбовывая этот диковинный талант себе в сотоварищи, завершились, конечно же, посвящением его в ряды общества. Участие в заседаниях «Арзамаса», разумеется, когда они проходили в Царском Селе у того же Карамзина, явилось для лицеиста школой высшего поэтического мастерства. А ещё была ему по вкусу и радостная, весёлая атмосфера этих сборищ, на которых шутка и розыгрыш присутствовали непременно.

Каждому «арзамасцу» давалось остроумное прозвище. Жуковский именовался «Светланой» по названию своего самого знаменитого стихотворения, Батюшков за хромоту — «Ахиллом», Вяземский за едкость ума — «Асмодеем». Самым коротким прозвищем обладал Василий Львович Пушкин — «Вот» (искажённое сокращение слова «ватрушка»). А его племянника — Александра Пушкина прозвали «Сверчком», намекая на резвый нрав и сверкание таланта.

Посещает юный Пушкин и казармы лейб-гвардии Гусарского полка, расквартированного в Царском Селе, водит дружбу с офицерами. Тут и воспоминания о недавней Наполеоновской компании с живописными рассказами самих участников; и

обычный армейский кутёж с картами, вином и женщинами; и разговоры о республиканской Франции, о свободе...

В июне 1817 года состоялся первый выпуск Лицея. В аттестате, полученном поэтом, значились отличные баллы только по фехтованию и танцам, а посредственные по многим весьма серьёзным дисциплинам, адресованным к интеллекту, в частности, по русскому языку. Исторический казус этот тем забавнее, что именно Пушкину предстояло явиться основоположником современного русского языка. До Пушкина в России и говорили, и писали на языке весьма невразумительном и худо обработанном. А люди пообразованнее старались вообще им не пользоваться, предпочитая французский.

Конечно, Геркулесов подвиг по совершенствованию родного языка пришёлся не только на плечи Александра Сергеевича. Карамзин, Крылов, Батюшков и Жуковский своими талантами, несомненно, тоже поспособствовали этому процессу. Да и писатели последующих эпох разве не включились в это общее для всего народа усилие, общее дело? Однако именем Пушкина овящено оно не напрасно. Именно его стремление к простоте, естественности и точности поэтического слова сокрушило барьеры между литературным языком и живой речью, приведя ко взаимному обогащению и слиянию этих двух словесных стихий.

По окончании Лицея Александр Сергеевич был зачислен в Коллегию иностранных дел с чином коллежского секретаря и, переехав в Петербург, повёл жизнь рассеянную, среди удовольствий света и полусвета.

Как-то после бурно проведённой ночи зашёл с друзьями к знаменитой гадалке — старой немке Киргоф. Она мимо всех прочих обратилась прямо к нему, назвав человеком замечательным. Поведав о его прошлой и теперешней жизни, предсказала, что сегодня ожидает его разговор о службе и письмо с деньгами. К своему удивлению, в тот же день Пушкин убедился в точности её предсказаний относительно разговора и денег. Постепенно сбывалось и прочее: ссылка на юг и ссылка на север.

А ещё предсказала ему Киргоф раннюю смерть от руки белоголового человека. Известно, что впоследствии эта же гадалка предрекла гибель и Лермонтову. Увы, предсказания воро-

жей, если и сбываются, не могут быть добрыми, ибо известно, что гадание — мерзость перед Богом.

В пору первой самостоятельности Пушкин писал урывками, мимоходом, когда непогода или болезнь удерживали дома. «Руслана и Людмилу» завершил он именно в болезни — в марте 1820 года. Публикация этой поэмы-сказки принесла Александру Сергеевичу первый заметный успех. Таких роскошно-живописных и непринужденно-изящных стихов Россия ещё не знала. А восхищенный Жуковский подарил молодому поэту свой портрет с надписью: «Победителю-ученику — от побеждённого учителя».

Кроме публичного признания у Пушкина к этому времени появляется ещё, если можно так выразиться, и тeneвая слава. Возникла она и поддерживалась благодаря стихам иного толка, стихам не подцензурным, которые не были и не могли быть напечатаны. Произведения крамольного содержания, вроде «Ноэля» и «Деревни», распространялись в списках и были итогом пушкинского поэтапно вызревавшего вольнодумства. Причём круг общения Александра Сергеевича и побуждал его к написанию такового, и служил начальной пересылочной станцией, из которой стихи расходились по всей России. Так, первая половина оды «Вольность» была набросана поэтом в доме братьев Тургеневых, где собирались многие из будущих декабристов.

Немудрено, что стихи, бесцензурно гулявшие по стране, дошли и до самого императора. Легко представить бешенство Александра I, когда он прочитал такое:

Тираны мира, трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!..

Ведь тут, кроме указания на его тиранию, т.е. незаконный, через убийство отца, приход к власти, содержался ещё и прямой призыв к бунту. Самодержцу сообщили, что автором этой крамолы, по-видимому, является бывший лицеист Александр Пушкин. Но это ещё надо было доказать. Вот почему, улучив момент, когда поэта не было дома, явился сыщик и предложил его камердинеру Никите Козлову 50 рублей за возможность покопаться в бумагах Александра Сергеевича. Верный слуга, ходив-

ший за Пушкиным чуть ли не с его малолетства, сообщил поэту о странном визите, и тот не замедлил всё предосудительное сжечь.

Когда Пушкина арестовали и доставили в генерал-губернаторскую канцелярию, Милорадович приказал опечатать его бумаги. Александр Сергеевич посоветовал не делать этого, мол, всё равно ничего не найдёте, а велите лучше дать мне перо и бумагу. И тут же исписал целую тетрадь стихами, интересовавшими власти. Восхищённый этим проявлением благородства Милорадович, будучи и сам человеком высоких душевных качеств, отпустил поэта, объявив ему от имени государя прощение. Однако император, не разделявший прекраснородия своего вассала, был недоволен. Возмутительные стихи юного вольнодумца наводнили Россию и отравляют её верноподданнический дух! Да за такое — в Сибирь, на каторгу! В Соловки заточить!

За Пушкина вступились Гнедич, Тургенев, Чаадаев. Каждый из них находил своего ходатая, свой окольный путь к высочайшему милосердию. Новый директор Лицея Энгельгардт и придворный историк Карамзин обратились к Александру I напрямую. Суть заступничества сводилась к тому, что поэт молод, исправится, и ничего эдакого впредь писать не будет. Смягчившись, царь решил ограничиться ссылкой Пушкина в Бессарабию, на юг империи, назначив служить в канцелярии наместника генерала Инзова.

И как же это было вовремя да в пору молодому поэту, рисковавшему в рассеянии столичной жизни растратить свой талант на пустыки. Доподлинно, что Само Провидение позаботилось о том, чтобы удалить Пушкина от никчемного веселья и праздной суеты петербургского света в провинциальную глухомань и усадить за труды поэтические, даровав верное и плодотворное становление его могучему гению.

И вот весной 1820 года Александр Сергеевич отправился в свою первую ссылку. Приехав же в Екатеринослав, искупался в ещё холодной воде Днепра и заболел. По счастью, семья Раевских, направляющаяся на Кавказ и заставшая поэта в горячке, предложила ему присоединиться и вместе с ними принять лечение на Минеральных водах. Получив разрешение от своего начальника, Пушкин так и поступил.

Несколько месяцев, проведенных в семье знаменитого героя Войны 1812 года, генерала Раевского, Александр Сергеевич назвал счастливейшими в жизни. Такому благодатному ощущению способствовали и красоты Кавказа, и посещение Крыма, где поэт впервые увидел «свободную стихию» — Чёрное море. К тому же эти прекрасные впечатления были окрашены особенным очарованием пушкинской влюбленности в дочь генерала Марию. Но главное, что поэт оказался в кругу по-настоящему дружной, любящей семьи, проникнутой взаимными заботой и вниманием. Более того, не было мгновения, чтобы среди этих умных, весёлых и доброжелательных людей он почувствовал бы себя чужим и лишним. Всё это было так не похоже на его собственную семью, в которой он вырос.

Впечатления от поездки оказались столь обильными, что сразу же по приезде поэта на место его ссылки в Кишинёв обернулись рядом прекрасных поэм: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники». При всём роскошестве формы и самоценности оригинальных, ещё не встречавшихся в поэзии красок, которыми оживил свои произведения Пушкин, было тут и много подражательного, идущего от Байрона, от его поэм. Впрочем тем легче оказалось заслужить восхищение публики, её аплодисменты.

Известно, что в творчестве, как и в жизни, революционные преобразования могут лишь напугать толпу. Она к ним не готова. Вот почему своих гениев публика способна только встретить и проводить. Гении понятны ей только при самых первых, ещё зависимых шагах и при последних, уже не столь решительных и быстрых. Основной путь эти гиганты обречены проходить в одиночестве. Ни толпа, ни эксперты за ними не поспевают.

Пока ещё слава Пушкина росла от публикации к публикации. А преследования со стороны властей только подогревали её. Впрочем, глумливая цензура с особенным сладострастьем издевалась над произведениями опального поэта. Но Александр Сергеевич, щадя своих столичных издателей, делал вид, что мирится с увечьями, наносимыми его созданиям.

Два кишиневских года поэт прожил в доме генерал-губернатора Инзова. Этот удивительно добрый и порядочный человек полюбил Пушкина как сына. Да и поэт привязался к «Инзуш-

ке», так он любовно именовал своего начальника. Порою генерал не знал, как поступить в ответ на многочисленные жалобы, ибо молодой Пушкин вёл жизнь самую ветреную: кутил, влюблялся, остроловил и даже бретёрствовал.

Как-то в бильярдной поэт повздорил со своими новыми приятелями из военных — Алексеевым и Орловым и обоих вызвал на дуэль. Впрочем, ни с одним ни с другим до поединка не дошло. А вот с офицером генерального штаба Зубовым пришлось-таки драться. Обошлось без крови. Под выстрелом Александр Сергеевич вёл себя мужественно, хотя и несколько театрально — ел черешни. В другом случае, с полковником Старовым, пришлось стреляться в метель: сначала на 16, потом на 12 шагах. Но, похоже, неизменно за пределами видимости — оба промахнулись.

Там же в Кишиневе 22-летний Пушкин вступил в масонскую ложу «Овидий», которая вскоре была закрыта. Большие переплетённые книги, ей принадлежавшие, поэт не преминул использовать под стихи. А вот будущие декабристы принимать его в своё тайное общество не спешили. Очевидно, им не внушали доверия пылкий нрав Пушкина и его неразборчивость в друзьях. К тому же, предчувствуя свою жертвенную участь, они не хотели рисковать его талантом, обещавшим стать светочем и гордостью России. Даже лицейский друг поэта Пуцин, входивший в организацию, её существование держал от него в секрете, хотя Александр Сергеевич и догадывался о чём-то.

Случилось так, что Пушкину даже довелось побывать на съезде членов южной управы «Союза благоденствия», проходившем в Каменке под прикрытием праздника — дня святой Екатерины. Пушкин, подозревавший об истинном смысле этого собрания, был весьма ловко обманут конспираторами. Несколько слов, сказанных в порядке розыгрыша, что, мол, сегодня учреждается тайное общество, были сейчас же обращены в шутку, и это подействовало на Александра Сергеевича самым ужасающим образом: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и всё это была только злая шутка».

Было отчего расстроиться молодому поэту, за свои вольнолюбивые стихи заброшенного в далёкую ссылку, а между тем Россия, как ему казалось, продолжала покорно влачить ярмо

крепостного рабства. Именно этим горестным сознанием своей напрасной жертвы проникнуто стихотворение, написанное Пушкиным сразу после посещения Каменки:

ИЗЫДЕ СЕЯТЕЛЬ СЕЯТИ СЕМЕНА СВОЯ

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощённые бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич.

В 1823 году Инзова (слишком мягок!) по высочайшему государеву указу сменил граф Воронцов, и Пушкина перевели в Одессу, где размещалась резиденция генерал-губернатора Новороссийска и нового наместника Бессарабии. О душевных качествах этого человека, под началом которого Александру Сергеевичу предстояло находиться около года, можно судить по пушкинской эпиграмме, разумеется, с оглядкой на шаржирующий характер жанра.

* * *

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

А между тем поэту было грустно. В Кишиневе осталось немало друзей и сердечных привязанностей, но не по этой ли причине Александр Сергеевич приобрёл больше свободного времени для творческого досуга? Именно в Одессе Пушкин приступает к осуществлению своего самого грандиозного замысла — стихотворного романа «Евгений Онегин», три первые главы которого

здесь и были вскоре написаны. Однако молодой поэт, не вполне осознавший неповторимость своего дара, ещё находился под обаянием прославленных имён. А в таких случаях особой магией воздействия обладает всякое даже незначительное средство судеб.

Так, Бессарабия, место первой его ссылки, как бы сблизила Пушкина с Овидием Назоном, когда-то в древности изгнанным в эти же края. Обстоятельство, способное внушить мысль по примеру римского изгоя, автора «Скорбных элегий», сделаться элегическим поэтом. Впрочем, превосходство, которое Пушкин признавал в этом жанре за своим современником Боратынским, удержало Александра Сергеевича от этого соблазна.

А вот не почувствовать себя новым Байроном было сложнее. Тут и гипнотическая мощь, и обширнейшая галерея прекрасных возвышенных образов, так и зовущих к подражанию. Отнюдь не сразу удалось «Евгению Онегину» сбросить с себя романтический плащ знаменитого «Чайльд Гарольда». Но по мере того как живые приметы российской действительности уводили автора от заграничных образцов, главный персонаж романа приобретал всё больше оригинальных черт, типичных только для нашего общества, пока не стал весьма обыкновенным в нашем Отечестве «лишним человеком», первым в череде себе подобных. В пору южной ссылки, ещё не надеясь, что его призывы к свободе будут услышаны, Пушкин считал таковым и себя. Оказаться лишним — увы, эта опасность существовала, существует и всегда будет существовать для всякого критически мыслящего человека.

Именно в Одессе Александр Сергеевич испытал наиболее сильное влияние Байрона. Этому способствовали и близость моря, англичанином воспетого, и сходство в положении с этим тоже гонимым властями певцом свободы. А тут ещё встретила Пушкина бывшая любовница Байрона — гречанка Калипсо и отнеслась к русскому поэту не менее благосклонно. Ещё один повод для невольных параллелей. Огромное впечатление на Александра Сергеевича произвела гибель Байрона в 1824 году под Мессолунги в боях за свободу Греции. Увлечённый английским поэтом, он едва не увяз в колее этой судьбы, уже становящейся хрестоматийной. И даже помышлял отправиться в Грецию, чтобы в рядах борцов за её независимость сменить погибшего.

Только ведь и сам Пушкин не был свободен и отнюдь не мог никуда из России выехать. Александру Сергеевичу по причине его неблагонадежности вообще ни разу в жизни не позволили побывать за границей. Впрочем, в Одессе поэта удерживала ещё и влюбленность в Елизавету Ксавьеровну Воронцову, жену начальника. Ситуация весьма пикантная и чреватая осложнениями.

В драматическом развитии этого романа неблагоприятную роль сыграл одесский приятель Пушкина — Александр Раевский. Человек насмешливого ума, презирающий поэзию, он в силу своего высокомерного, иронического отрицания имел определенную власть над пылкой, искренней натурой поэта. При этом, будучи сам в связи с Воронцовой, Раевский использовал Пушкина как ширму и доносил на него графу. Когда Александру Сергеевичу открылось это предательство, он, почитавший дружбу чувством священным, пережил едва ли ни самое горькое разочарование.

КОВАРНОСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
Отвечает язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдёрнет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою, —
Не говори: «Он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «Неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданиях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru